

На черно-белой фотографии 1945 года, стоящей в рамке на столе, высокая, стройная, красивая девушка в военной форме. Все ее лицо и фигура выражают чувство уверенности и достоинства. Прошли годы, многое изменилось, на лице появились морщинки, волосы побелели, но рассуждает и говорит она замечательно, поэтому записывать ее воспоминания легко и интересно. Я расположился в удобном кресле с блокнотом в руках рядом с расправленной кроватью, на которой она сидела, опираясь на подушки, готовая в любой момент, если потребуется, прилечь и отдохнуть. Негромким спокойным голосом она начала свой рассказ.

Родилась я в 1921 году в селе Богандинском под Тюменью. Мне было два года, когда случился пожар, дом сгорел, и семья перебралась в соседнюю деревню Киёво. Отец – Петр Дмитриевич был человеком грамотным, его избрали председателем сельсовета. Мама – Анна Михайловна была домохозяйкой, после меня она родила еще троих дочерей: Лиду, Любу и Тамару.

С детства я смотрела за младшими, помогала по хозяйству, доила корову, ухаживала за телятами и овцами. В восемь лет пошла в школу.

Окончив семь классов, поступила в фельдшерско-акушерскую школу в Тюмени. После окончания ФАШ была направлена на работу в больницу села Гладилово Гольшмановского района. Там меня поселили на квартиру, где жила зоотехник Вера Ладан. Мы подружились, вместе ходили в клуб, катались на велосипеде, купили туфли на высоком каблуке. Вера познакомила меня заочно со своим братом Иваном, курсантом одного из московских военных училищ. После окончания училища он обещал приехать, но их курс досрочно выпустили и отправили на западную границу.

В 1940 году я поехала в отпуск к родителям. Мама была беременна. Подошло время рожать, а акушерка уехала в город, санитарка прибежала за мной. Я приняла роды и запеленала младшую сестренку Люсю.

Весной следующего года познакомилась с парнем – Петей Шинкаревым, только вернувшимся из армии после четырех лет службы. Он был высоким, стройным блондином, старательно ухаживал за мной. В пятницу 20 июня пришел нарядно одетый с цветами и сделал предложение. Мне было девятнадцать, многие мои подруги были уже замужем. Я дала согласие. Его родители стали готовиться к свадьбе.

В воскресенье мы с Верой отдыхали дома, когда на улице по репродуктору стали передавать что-то важное. Собрался народ, мы тоже вышли и услышали сообщение о нападении фашистской Германии.

Вечером, когда я дежурила в больнице, пришел мой жених. Я отказалась выходить замуж, объяснив, что теперь нас обоих призовут в армию. Всю ночь он уговаривал меня, сидел на крыльце до утра, но напрасно. Через три дня его отправили на Дальний Восток.

Вере пришло письмо из Полтавы от родственников – ее брат Иван пропал без вести.

Было еще тепло, когда призвали в армию отца, я поехала попрощаться. Мы обнялись и расцеловались. Он был в военной форме и в этот же день отбыл на фронт.

Зимой пришла повестка и мне. Зинаида Ивановна напекла в дорогу пирогов. Я собрала вещи. На конном дворе Вера запрягла в кошевку лошадь и отвезла меня на призывной пункт.

Из райцентра меня и еще одного фельдшера отправили пассажирским поездом в город Ачинск, где шло реформирование 56-го гвардейского артиллерийского полка. Меня назначили фельдшером медсанчасти и выдали военную форму. Как фельдшер я относилась к офицерскому составу. На лацкан воротника мне прикрепили медицинскую эмблему и два кубика. Я посмотрела на себя в зеркало и увидела настоящего бойца Красной армии.

Около месяца шло реформирование полка, затем в воинском эшелоне нас отправили на Запад. Зачехленные 122-миллиметровые орудия, охраняемые часовыми, размещались на платформах, лошади в крытых вагонах. Санитарный вагон находился в конце состава. Мы следили за санитарным состоянием эшелона, лечили больных.

Чем дальше продвигался состав, тем яснее я понимала, что еду на войну, и плакала. Один молодой лейтенант уговаривал меня не плакать, но слезы сами наворачивались. Лишь непрерывная работа и новые впечатления высушили их. Ранним утром эшелон прибыл на станцию подмосковного города Дмитров. Мы стали выгружаться. Построились на перроне, затем двинулись в кирпичные казармы, где на плацу приняли воинскую присягу. В казармах, занимаясь боевой подготовкой, учились передвигаться по-пластунски, стрелять из пистолета, выносить раненых с поля боя.

После месяца подготовки полк выдвинулся в район Волоколамского шоссе. За несколько километров от фронта было видно зарево пожарищ, доносились раскаты орудийных выстрелов. Выйдя к передовой, полк вступил в бой, артиллерия поддерживала наступавшую пехоту. Медсанчасть осталась в тылу полка. Когда разрывы стали стихать, привезли раненых. Сначала их было трое, затем доставили еще нескольких. Это были солдаты и офицеры нашего полка, мы делали первую обработку ран, накладывали шины и отправляли их в медсанбат.

Постепенно мы втягивались во фронтовую жизнь. Я привыкла к артобстрелам, а к авианалетам привыкала трудно. Страх вселялся в душу, когда сверху на нас падали бомбы. Как-то после боя я сопровождала тяжело раненых на конных повозках в медсанбат, находившийся в десяти километрах от передовой в большом селе, в одноэтажном здании школы. В селе были сосредоточены тылы армии, разных полков и дивизий. Я сдала раненых и поехала в тылы артполка, располагавшиеся в большой деревянной избе, но не успела зайти, как послышался отдаленный слабый, нарастающий гул самолетов. На горизонте показались «Юнкерсы» в сопровождении истребителей. Кто-то крикнул: «Воздух!»

За ним закричали другие. Люди побежали, спотыкаясь и падая, кто куда. Пикируя, бомбардировщики один за другим стали сбрасывать на село бомбы. Кругом грохот и пламя. Не чуя ног, я бежала на окраину села, бросилась в первую попавшуюся яму лицом вниз, подтянула ноги, обхватила голову руками. Взрывы раздавались все ближе.

Сколько продолжался налет, трудно сказать. Самолеты отбомбились и улетели. Я осталась цела, не ранена, не контужена, только в голове шум, соображаю медленно. Выбралась из ямы, осмотрелась по сторонам, село горело, черные клубы дыма поднимались во многих местах. Еще не придя в себя, пошла в сторону полка на передовую. Навстречу раненый солдат, левой рукой он придерживал правую, срезанную осколком ниже локтя.

– Сестричка, перевяжите, – попросил он.

Я наложила жгут, обработала и забинтовала рану. Повязкой через плечо подвесила руку к груди.

– Вас сопроводить?

— Не надо, у вас работы много, а для меня война закончилась, — сказал он и пошел в сторону медсанбата, а я в свою часть.

В начале августа началось наступление на Ржев. Я, теперь дивизионный военфельдшер, находилась на батарее. Рано утром началась артподготовка, длившаяся более часа. Наконец, канонада стихла, огневые средства противника подавлены, путь танкам и пехоте расчищен, мы двинулись за ними. По сторонам горящие деревни, жители прячутся в лесу.

Немцы, отступившие на заранее подготовленные позиции, сильно бомбили и обстреливали передний край, тем не менее пехота изо дня в день продолжала атаковать укрепления немцев. Меня на некоторое время отправили в пехоту помогать военфельдшеру, не справлявшемуся с наплывом раненых. Мы обрабатывали раны и делали перевязки. Руки в крови, но вытирать некогда. Многие стонали, кто-то умирал. Мы едва держались на ногах, пальцы затекли, руки не слушались, но раненых не бросали. Каждый солдат должен был знать, что его не оставят в беде.

Осенью напряженные бои продолжались. Погода портилась, все реже проглядывало солнце, шли холодные дожди. Меняя место расположения, мы преодолевали многие километры по размытым дорогам, а когда добирались до постоянного места дислокации, рыли и обустраивали землянки, ставили печь, и тогда становилось тепло и уютно.

Я проверяла санитарное состояние землянок, вещмешков, чистоту котелков у солдат, они не любили их мыть. Раз в месяц организовывали баню. Ставили большую палатку для помывки. Отдельно мылись женщины-медики. В походных условиях это трудно сделать, и бывало подолгу приходилось терпеть, ожидая банного дня. Солдат беспокоили насекомые. Бывало, боец снимал гимнастерку, встряхивал, и земля становилась живой от черных вшей. Тогда разводили костры и держали над ними рубашки. Со временем соблюдение гигиены и улучшение питания привело к исчезновению вшей.

Простудных заболеваний не было, так как мы все время были на воздухе. Если кто-то жаловался на недомогание, я давала таблетку и отправляла в землянку, при этом разговоров часто бывало больше, чем лекарств.

Бойцы с нетерпением ждали почту, радовались каждой весточке из дома. Я получала письма от Лиды и была в курсе домашних событий. Она писала, что устроилась дежурной по станции на разъезде Беркут, получила служебную квартиру. Мама с детьми переехала к ней. Лиде давали паёк, кроме того, были своя корова и огород. Я получала денежное довольствие и половину высылала маме, а другую часть оставляла себе. В наши тылы приезжал военторг, где можно было купить расческу, полотенце, белье.

Поздним осенним днем я обходила батарею. Раненых не было, я пошла в штаб дивизиона. Тут немцы начали стрелять шрапнелями. Я бросилась бежать и прыгнула в запорошенный снегом окоп, а там убитый немецкий солдат. Он сидел, как живой, уткнув голову в колени. Я зажмурила глаза, подсунула голову под его туловище и так сидела пока обстрел не закончился. Когда стихло, выбралась из окопа, а навстречу уже шел солдат, посланный из штаба. Командир дивизиона майор Кондыба вызвал меня и отчитал за то, что хожу без сопровождающего, но я и впредь продолжала ходить одна.

Зимой началось новое наступление. Тяжелые орудия и минометы не смолкали. Танки и пехота атаковали немецкие укрепления, однако вмешался сильный снегопад с ветром. Преодолевая сугробы, пехотинцы упорно шли на укрепленные немецкие позиции. Раненым и обмороженным мы оказывали первую помощь и отправляли на санях в медсанбат.

Лишь перед самым Новым годом атаки прекратились, но и обескровленные немцы не смели атаковать. В начале 1943 года мы наступали на Жиздринском направлении. Днем и ночью шли тяжелые бои. Поступало много раненых.

Весна пришла рано, снег таял, зазвенели ручьи, земля превратилась в непролазную грязь. Несмотря на некоторое продвижение, освободить Жиздру и Брянск не удалось, но опасаясь окружения, немцы начали отступать и оставили Ржевский выступ. В это время мне было присвоено звание лейтенанта, я пришла к гимнастерке погоны с двумя звездочками.

Перед Курской битвой войска пополнялись новыми солдатами, офицерами и вернувшимися из медсанбатов. Меня перевели на должность фельдшера минометного дивизиона. Там я подружилась с санинструктором Женей Петровой, восемнадцатилетней москвичкой: невысокой, худенькой, очень доброй и отзывчивой. Мать ее умерла во время войны, отец погиб на фронте. Мы всегда были вместе как две лучшие подруги.

Когда на одном из наблюдательных пунктов ранили командира батареи, мы с Женей, получив приказ, отправились по кратчайшей дороге. Пересекая ржаное поле, не маскировались, а бежали в полный рост, громко разговаривали и смеялись. С наблюдательного пункта кричали, чтобы мы укрылись, но мы не слышали. Немцы открыли огонь. Пришлось залечь. Когда огонь стих, мы поднялись, пригибаясь, побежали дальше и вскоре прибыли на НП. Командир батареи был ранен осколком в плечо. Чтобы не причинить ему боль, мы осторожно обработали рану и наложили повязку. Он поблагодарил нас, а меня похвалил за смелость, сказал, что я очень мужественная, и если он останется жив, то напишет обо мне. После возвращения в дивизион меня вызвал командир и отчитал за то, что позволили себя обнаружить немцам, которые могли засесть наблюдательные пункты.

На следующий день Женя пошла ко мне с батареи в штаб и попала на мину. В медпункт ее принесли на плащ-палатке. Она была без сознания, правая нога раздроблена, сильно текла кровь. Я крепко перевязала ногу бинтом с ватой. Терять нельзя было ни минуты. Солдаты нашли машину, положили девушку в кузов и повезли в медсанбат. Назад Женя не вернулась. Из госпиталя она написала, что ей ампутировали ногу.

В сторону Курска шли танки. Ежедневно автомобили доставляли боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Мы должны были наступать на Орловском направлении. Рано утром повара накормили солдат, и они встали у минометов. Тысячи орудий открыли огонь. Казалось, противник подавлен, но он все же опомнился и попытался перейти в контрнаступление. Снаряды и мины со свистом и воем понеслись в нашу сторону.

Один из снарядов попал в угол нашей землянки и пробил щель. Не успели клубы пыли заполнить помещение, как снаружи крикнули: «Связь оборвалась!» Двое связистов пошли исправлять. Вскоре позвали военфельдшера. Я, пригибаясь, побежала по траншее. Один из связистов был ранен в бедро. Пожилой солдат лежал на спине, запрокинув голову, и сдавленно стонал, гимнастерка и брюки набухли кровью. Когда я сняла ремень, подняла гимнастерку и нательную рубашку из живота вывалились кишки. Я затолкала их обратно и быстро перевязала. Солдаты приподняли раненого, он громко застонал, а затем, собрав силы, сказал:

– Сестричка, милая, помоги, у меня четверо детей.

Я плотнее затянула повязку:

– Ничего страшного, вы будете жить, только надо срочно сделать операцию.

Его острожно положили на носилки, вынесли с передовой и повезли в медсанбат. По дороге он скончался. Я долго не могла успокоиться. Мой отец тоже находился на фронте, но я о нем ничего не знала.

К передовой шли новые колонны пехоты, танков, машин с боеприпасами. После нескольких дней упорных боев немцы отступили. На поле боя остались тысячи убитых, подбитые «тигры», перевернутые пушки и машины. Началось общее наступление.

Осенью мы стояли в местах, где леса почти не попадались. Для укрытий использовали овраги, землянки сверху закрывали ящиками от снарядов, оставалось надеяться, что прямого попадания не будет.

После очередного саносмотра я проходила мимо наскоро сделанной землянки. Оттуда выглянул офицер: «Сестра, заходи чай пить». В укрытии было четыре человека: командир батареи, замполит и два командира взводов. Повар приготовил жаркое из убитой обозной лошади. Я никогда не ела конины. Оказалось, вкусно. Мы покушали, попили горячего чаю, поговорили, посмеялись, и я пошла к себе. Шагая по дороге, я услышала свист снаряда. По звуку он уже был на излете. Надо быть осторожнее. Только зашла в землянку, села на нары и начала перебирать содержимое сумки, как вбежал посыльный.

– Вам приказано немедленно явиться на батарею.

– Я только оттуда.

– Начальник штаба приказал срочно.

Я схватила сумку и побежала на батарею. Там, на месте землянки, где мы только что обедали, дымилась глубокая воронка – прямое попадание снаряда. Офицеров разорвало и расшвыряло по полю. Части их тел собрали и похоронили в этой же воронке, сделали небольшой холмик, дали залп из орудий. Я сильно расстроилась и плакала, офицеры погибли, а меня и на этот раз смерть обошла.

Мы шли на Запад. Проходили по много километров в день. Со временем лошадей заменили автомобили – «полуторки» и «студебеккеры», передвигаться стало легче. В 1944 году меня перевели в Запасной арtpолк, а затем в учебный дивизион фронта. Мы располагались лагерем в лесу. В дивизион прибывали офицеры-артиллеристы, с которыми проводились занятия, а затем распределяли по передовым частям. Командиром был сибиряк из Новосибирска майор Белоногов. Однажды он вызвал меня в штаб и спросил: «Ну, что, землячка, хочешь съездить домой?»

Начались сборы: выписали документы, дали сухой паек, и в конце лета с вещмешком на плече я отправилась в двухнедельный отпуск. Ехала на восток в пассажирском поезде. Лежала на верхней полке, на расстеленной шинели, подложив под голову вещевой мешок, и под стук колес смотрела в окно на мирную жизнь. В голове возникали радостные картины встречи с родными. Я не успела им сообщить, что еду в отпуск.

На третьи сутки поезд подошел к Тюмени. Мимо окон проплыли сибирские избы, знакомый старый вокзал. Поезд резко затормозил и остановился. Еще через час поезд подошел к разъезду Беркут.

Никто меня не встречал. У стоявшей на насыпи женщины спросила, где живут Липчинские? Она указала на один из домов. Около дома играли две девочки – мои сестры. Старшая Тамара узнала меня и бросилась на шею, подошла и Люся. Вместе зашли в дом. На кухне готовила обед бабушка Пелагея. Она всплеснула руками: «Боже! Откуда ты?» Через некоторое время прибежали мама и Лида. Все обнимали и целовали меня, никому не верилось, что я живая, мама и бабушка плакали. Накрыли стол: накормили меня картошкой, грибами, огурцами – от чего я уже от-

выкла. С фронта я привезла гостинцы: тушенку и печенье. Разговоры шли до поздней ночи. Вместе читали письмо отца, где он писал, что служит ефрейтором в аэродромном полку ПВО и недавно награжден медалью «За боевые заслуги».

Спать меня положили на Лидину кровать, она легла на полу. Мы ещё долго разговаривали. Утром мама принесла парное молоко. В небе яркое солнце, на улице тепло, на деревьях шумит листва, как будто и нет войны. Неделю я пробыла дома. Съездила в город к крестной – тетке Ульяне. В парикмахерской сделала модную стрижку «под мальчика». Больше нечем было заняться. Стало скучно.

Отпуск пролетел. Провожая меня, мама и сестры плакали, и я тоже, но не вернуться нельзя. Поезд тронулся, разъезд растаял вдалеке. До Москвы добралась без приключений, затем по железной дороге до Гомеля, а оттуда на попутных машинах в свой дивизион, который за две недели продвинулся далеко на запад вместе с фронтом.

В учебном дивизионе я прослужила всю осень, а в конце года был назначен новый командир, приехавший с женой. Она стала военфельдшером дивизиона, а меня направили в 68-ю артиллерийскую бригаду 48-й армии. Бригада находилась северо-восточнее Варшавы. На грузовом автомобиле вместе с возвращавшимися офицерами мы пересекли границу с Польшей.

Несколько месяцев артиллерийская бригада стояла в обороне на Наревском плацдарме. Командиром бригады был полковник З. Травкин, командиром 2-го дивизиона, в котором я должна была служить – майор П. Боев. Командиром батареи звуковой разведки капитан А. Солженицын – будущий известный писатель. Он казался мне гордым и недоступным. Всегда был занят, постоянно записывал что-то в блокнот, не шутил как другие при встрече. Я его видела на собраниях офицеров, но чаще он сидел в землянке и что-то писал.

Новый 1945 год встретили в хорошем настроении, с наряженной ёлкой и праздничным столом. Пригласили молодых полячек. Они пришли в красивых платьях. Офицеры ухаживали за ними, угощали, приглашали на танцы. Впервые за годы войны праздник проходил так весело.

Скоро должно было начаться наступление. Траншеи заполнялись пехотинцами. Бесперывным потоком шла военная техника.

Утром 14 января, несмотря на то, что из-за мокрого снега ничего не было видно, тысячи орудий и минометов, сотни «Катюш» обрушили на противника лавину огня. Когда гул орудий стих, пошла пехота. Атаковали по открытому полю. Артиллерийские разведчики выдвинулись вперед и действовали в боевых порядках пехоты, засекая огневые точки противника. Вернувшись с поля боя, разведчики зашли на НП. Здесь их встретил командир дивизиона майор Боев и поблагодарил за хорошую работу, а начальнику разведки сказал, что представит к награде. Начальник разведки – высокий, стройный, молодой лейтенант был доволен. Тогда впервые я услышала его имя – Василий Федорович.

В образовавшийся прорыв двинулись танки и кавалерия. За ними на машинах пехота. Артиллеристы, зацепив тракторами пушки, двинулась за ней. На пятый день мы подошли к границе с Восточной Пруссией. Ночью в метель дивизион выстроился по фронту и открыл огонь.

Начало светать, когда командир дивизиона скомандовал дать очередной залп. Я попросила командира батареи разрешения выстрелить и, получив согласие, встала у орудия. Раздалась команда «Огонь!». Я из всех сил дернула за спусковой шнур, но чуть запоздала. Все снаряды полетели вместе, а мой – за ними.

– Кто стрелял из четвертого орудия? – закричал по радиции командир дивизиона

– Это стреляла военфельдшер...

Мы вступили на территорию врага. Началось наступление к побережью Балтийского моря. За день мы преодолевали десятки километров, преследуя отступавшего противника. Вскоре передовые части вышли к морю и отсекли восточно-прусскую группировку от Германии.

Продвигаясь, мы натолкнулись на беженцев, которые, боясь мести, растянулись по дорогам, направляясь на Запад в фургонах с имуществом. Увидев женщин, стариков и детей, солдаты выскочили из машин и начали их бить. Я тоже схватила первый попавшийся прут и стала хлестать по головам. Была какого-то старика в очках, он молчал, только закрывал лицо руками. Солдаты обнаружили среди беженцев молодого немца, отвели в лес и расстреляли.

На следующее утро вошли в немецкий поселок. Улицы асфальтированные, палисадники одинаковые, все ухожено. Двери домов не заперты, людей нет. Солдаты пошли за трофеями. В первом доме, куда мы вошли, было тихо и темно. Включили свет. В комнатах порядок, всё на своих местах. Картины, ковры, диваны, шкафы из красного дерева забиты одеждой. На кухне чистота: кафельный пол, буфет, фарфоровые сервизы. Мы нашли масло, яйца, ветчину, которую я никогда не ела. Солдаты пошли по комнатам, взяли всё, что пригодится, а мне принесли небольшие часы с блестящим браслетом. Впервые у меня появились настоящие дамские часики. Спустились в подвал, там висели окорока, копченые колбасы, сало. Солдаты взяли продуктов столько, сколько могли унести.

Дивизион выстроился в походную колонну. Мы прошли по мосту через реку Пассарге на восточный берег и стали обустраивать огневые позиции.

Часть расположилась в деревне Адлиг Швенкиттен. Разведчики обследовали её, ни противника, ни местных жителей не обнаружили. В соседней деревне Кляйн Швенкиттен расположился штаб дивизиона.

С вечера шел снег, затем поднялась метель. Ветер наметал сугробы. Мне и вольнонаемной прачке, принятой в Белоруссии, велели занимать комнату в соседнем со штабом двухэтажном доме. Мы стали обустраиваться, принесли дров, растопили голландку. Поужинав, собрали мягкие перины, подушки, одеяла и легли спать. Ночью раздался стук в дверь:

– Раненых привезли!

Мы быстро вскочили. Снаружи слышались крики и стрельба. В прихожей на плащ-палатке лежал раненый, еще нескольких выгружали из машины. С чердаков домов и сараев начался обстрел неизвестно откуда взявшимися немцами. Боеприпасы подвезти не успели, защищаться нечем. Мы остались один на один с пехотой и танками противника.

Дом заполнялся ранеными. Приказа отступать не было, из штаба бригады требовали: стоять насмерть. Тогда вызвали в штаб дивизиона командира взвода лейтенанта О.Н. Гусева, сына командующего армии. Он позвонил отцу, рассказал об обстановке на нашем участке, и генерал дал приказ отступать. Началась эвакуация. Когда все раненые были отправлены, я осталась одна в пустом доме. Последней отъезжала крытая грузовая машина, она снизила скорость: «Прыгай». Я на ходу заскочила на подножку и держалась за дверку, пока не выехали из деревни. В поле рядом с машиной стали рваться снаряды. Машину преследовал немецкий танк, стреляя на ходу. Пришлось бросить машину и бежать в лес. Как только мы бросили машину, в неё попал снаряд, и она загорелась. По лесу мы бежали несколько километров, и наконец, добрались до штаба бригады.

Вслед за нами группами и по одиночке на левый берег реки выходили артиллеристы. Последними шли разведчики, вооруженные автоматами, они прикрывали отходившие расчеты. Несколько дней продолжались кровопролитные бои, всё это время я не покидала поле боя, оказывая помощь раненым. Наконец, к нам подошло подкрепление. В атаку пошли танки. Оставленные позиции были возвращены.

В бою погибло много солдат и офицеров, погиб и командир дивизиона майор П.А. Боев. Павших похоронили с воинскими почестями.

Во время немецкого контрнаступления капитан Солженицын вывел из окружения свою батарею. Однако вскоре мы узнали, что Солженицын арестован контрразведкой. Никто ничего не объяснял по поводу его ареста, среди офицеров ходили слухи, что он в письмах критиковал Сталина.

За участие в боях на реке Пассарге я была награждена орденом «Красной Звезды». С переднего края меня вызвали в штаб бригады. Командир бригады вручил мне орден и поблагодарил за отличную службу. Я ответила: «Служу Советскому Союзу!»

Мы блокировали немецкую группировку под Кенигсбергом, в местности, где было множество рек и озер. С наступлением весны непролазная грязь, туманы и дожди еще больше затруднили продвижение.

Немцы начали эвакуацию своих войск морем, часть их с помощью подручных средств переправилась на косу, остальные начали складывать оружие. Крупные бои остались позади. Раненых становилось все меньше, и наконец, совсем не стало. Весенняя распутица закончилась. Война близилась к концу. Тогда мне было присвоено звание старшего лейтенанта.

Несколько дней никто не стрелял. И вдруг ночью раздался сильный шум, крики и выстрелы. Я вскочила с кровати и выбежала. Все солдаты и офицеры высыпали из казарм, прыгали, кричали «Победа! Победа!», обнимались и стреляли в воздух из автоматов, винтовок, пистолетов. Война закончилась. 9 мая проходил в праздничной обстановке, проводились митинги, бойцы обнимались, кричали «Ура!», поздравляли друг друга.

На следующий день бригада разместились в городе Эльбинг, а затем переместилась на запад в Померанию. Немцы возвращались в свои дома, теперь они мирные жители. Мы продолжали нести службу в военном городке. В окрестностях собрали брошенных коров, организовали ферму. На работу пригласили девушек – украинок, угнанных на работу в Германию. Офицеры ухаживали за ними, некоторые женились. Главной заботой стало устройство личной жизни. Мне нравился старший лейтенант, командир разведки 2-го дивизиона. Он стеснялся, посылал сержанта Орлова, чтобы сосватать меня. Я шутила: «Орлов, я за тебя выйду замуж». Наконец, Вася пришел в санчасть. Мы долго разговаривали и сошлись. Как и я, он был старшим в многодетной крестьянской семье. После окончания школы в Белоруссии учился в Крымском техникуме агрономизации. Когда началась война, его послали учиться в артиллерийское училище, через год присвоили звание лейтенанта и отправили на фронт.

Мы жили в разных казармах, но затем переехали в отдельную квартиру. В день моего рождения, 24 октября, мы с Васей сфотографировались и послали карточку домой. В ответ пришло письмо от отца. Он писал, что демобилизовался вскоре после Победы. Дом в Киево продали и купили в Тюмени флигель с небольшим огородиком. Отец спрашивал, когда мы вернемся, я ответила, что надо немного подождать.

В конце 1945 года нас с Васей перевели в минометный полк, и мы переехали в соседний военный городок. Там нас вызвал командир полка майор Разуваев и сказал, что если мы серьезно думаем жить вместе,

то надо зарегистрироваться, это можно сделать в Гданьске, в консульстве СССР. В марте 1946 года на грузовой машине мы приехали в Гданьск. Нас пригласили в комнату, где сидел офицер, он зарегистрировал нас, выдал свидетельство и поздравил: «Теперь вы стали мужем и женой». Мы вернулись в часть и отметили это событие вдвоем на квартире.

После регистрации я демобилизовалась, окончательно рассталась с военной формой, надела гражданское платье, заново научилась ходить в туфлях, купила сумочку, сделала новую прическу. В военторге мы приобрели койку, стол, стулья, посуду – всё, что необходимо.

В феврале 1947 года Вася демобилизовался, и вскоре мы выехали из военного городка на железнодорожную станцию. С собой везли мебель и много других вещей, в отдельную коробочку упаковали ордена, медали и военные фотографии. Приехали в Тюмень 17 марта ночью. Поезд проследовал мимо вокзала, до тупика. Солдаты помогли выгрузиться. Вася пошел искать дом отца, а я осталась караулить вещи. Когда Вася постучался в ворота, уже светало. Все в доме проснулись, соскочили с кроватей. Отец с Васей взяли лошадь с телегой у соседа, коротким путем добрались до станции, погрузили вещи, посадили меня и поехали домой. Там уже накрыли праздничный стол. Мама и сестренки с радостью обнимали и целовали нас.

Это сейчас мы ветераны, а тогда о войне не хотели и вспоминать – закончился этот ужас и слава Богу.

Зинаида Петровна закончила свой рассказ. Находясь под его впечатлением, на минуту задумалась. Но вскоре усталость пересилила, и она уже спала – глубоко и ровно дышала.